

Заключение. Таким образом, правовую основу внешней политики Республики Беларусь составляют Конституция Республики Беларусь, Закон Республики Беларусь «Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь» (2005), Военная доктрина Республики Беларусь (2016), Концепция национальной безопасности Республики Беларусь (2010), а также иные НПА, регулирующие внешнеполитическую деятельность государственных структур, нормы и принципы международного права и международные договоры.

За годы независимости в стране была сформирована соответствующая законодательная база, эффективно обеспечивающая внешнеполитическую деятельность белорусского государства. Тем не менее, изменение международной ситуации, в том числе на постсоветском пространстве, заставляет вносить корректировки в национальное законодательство, регулирующее внешнюю политику с целью современным реалиям.

1. Декларация «О государственном суверенитете Республики Беларусь» Верховного Совета Республики Беларусь от 27 июля 1990 г. // Ведомости Верховного Совета Республики Беларусь. – 1991. – № 31. – Ст. 536.
2. Улахович, В. Е. Формирование основ внешней политики Республики Беларусь (1991–2005 гг.) / В. Е. Улахович. – Минск : Харвест, 2009. – 352 с.
3. Конституция Республики Беларусь : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. – Минск : Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2017. – 64 с.
4. Вопросы Министерства иностранных дел Республики Беларусь. Постановление Совета Министров Республики Беларусь. 31 июля 2006 г. № 978 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=c20600978>. – Дата доступа: 10.01.2019.
5. Об утверждении Основных направлений внутренней и внешней политики Республики Беларусь. Закон Республики Беларусь утвержден от 14 ноября 2005 г. № 60-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=N10500060>. – Дата доступа: 10.01.2019.
6. Об утверждении Военной доктрины Республики Беларусь. Закон Республики Беларусь утвержден 20.07.2016 № 412-3 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo.by/document/?guid=3871&p0=N11600412>. – Дата доступа: 10.01.2019.
7. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь. Указ Президента Республики Беларусь утвержден 9 ноября 2010 № 575 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: [http://www.pravo.by/document/?guid=2012&oldDoc=2010-276/2010-276\(005-026\).pdf&oldDocPage=1](http://www.pravo.by/document/?guid=2012&oldDoc=2010-276/2010-276(005-026).pdf&oldDocPage=1). – Дата доступа: 11.01.2019.

КЛЕВЕТА КАК ВЕРБАЛЬНОЕ ПРАВОНАРУШЕНИЕ: ПРОБЛЕМА ФАКТОЛОГИЧНОСТИ

А.А. Лавицкий

Витебск, ВГУ имени П.М. Машерава

В национальной судебной практике не сложилось единого мнения относительно облигаторности лингвоправовой экспертизы при рассмотрении дел о клевете. Долгое время юридическая наука отказывалась пускать в сферу своего непосредственного влияния языкознание. Однако оказавшись неспособной разрешить целый ряд неспецифических задач, пришла к необходимости формирования нового междисциплинарного направления – юрислингвистики, одна из подотраслей которой – лингвистическая экспертология, ориентирована на подготовку лингвоправовых заключений, касающихся вопросов совершения преступлений вербальным способом или с использованием различных семиотических знаков. Это касается и клеветы как отдельного вида правонарушения.

Цель – определить критерии установления фактологичности при идентификации речевого высказывания как клеветнического.

Материал и методы. Материалом исследования послужили статьи Кодекса Республики Беларусь об Административных Правонарушениях (статья 9.2), Уголовного кодекса (ст. 188) и Гражданского кодекса Республики Беларусь. Теоретическую базу исследования составили работы А.Н. Баранова, К.И. Бринева, М.А. Осадчего и др. Методологическую основу работы с фактическим материалом составили методы параметрического моделирования и стилистико-семантического и прагмалингвистического анализов.

Результаты и их обсуждение. Указанные в предыдущем разделе статьи правовых кодексов определяют клевету как *распространение заведомо ложных, позорящих другое лицо измышлений*. Используя метод параметризации данная трактовка позволяет выделить несколько лингвистических критериев, идентифицирующих речевое высказывание как клевету: его 1) фактологичность, 2) намеренность, 3) адресованность и 4) доступность третьим лицам, а также 5) наличие указаний на объект, к которому относится содержание коммуникативного акта. Кроме того, следует отметить, что зачастую в рамках подготовки лингвоправового заключения

эксперту поручают установить, б) носит ли содержание текста или его отдельные части элементы порочащего характера. Еще один критерий – 7) несоответствие представленной в речевом сообщении информации действительности, устанавливается в процессе судебного разбирательства. Таким образом, очевидно, что вопрос идентификации клеветы представляется достаточно сложным, вследствие чего до настоящего времени белорусские суды нельзя признать обремененными такого рода разбирательствами. Проблема рассмотрения дел о клевете в правовом поле усугубляется отсутствием отечественной школы юрислингвистических исследований и необходимых методик подготовки экспертных заключений.

В настоящем исследовании мы остановимся на критерие фактологичности, имеющем первоочередное значение для лингвистической экспертологии. Под фактологичностью коммуникативного высказывания понимается его декларативный (репрезентативный) характер. Иными словами фактологичность выступает в качестве оппозиции понятию *мнение*. Так, в разъяснении Верховного суда Республики Беларусь «О практике рассмотрения судами гражданских дел о защите чести, достоинства и деловой репутации» от 23.12.1999 г. находим, что изучению подлежат сведения, порочащие честь, достоинство и деловую репутацию гражданина либо деловую репутацию юридического лица. Такой подход толкает сторону защиты представлять оспариваемый речевой акт как выражение мнения, что не является предметом правового разбирательства. На это указывает и часть 1 статьи 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которой каждый человек имеет право свободно выражать свое мнение. Разумеется, что факт отражения в рассматриваемом вербальном акте субъективного мнения адресанта не принимается судом на веру и должен быть доказан.

До настоящего времени правовые органы не часто обращаются к специалистам в области лингвистической экспертологии, несмотря на очевидный факт невозможности без применения специальных знаний и навыков в каждом конкретном случае определить, выражает ли высказывание мнение или же представляет собой факт распространения информации. Сложность данного вопроса определяется еще и тем, что в лингвистической экспертологии до сих пор нет единого подхода и универсальной методики, позволяющих дифференцировать *сведения* и *мнение*. Большинство ученых (Н.Д. Голев, М.А. Осадчий) отмечают, что в судебно-экспертной практике сложилось два параметра разграничения указанных выше понятий: а) формально-семантический и б) коммуникативный. Согласно первой методике на наличие в искомой фразе элементов выражения мнения указывают специальные маркеры (например, *думается, по моему мнению, считаем* и др.). Однако, очевидно, что при всей несложности такого подхода назвать его универсальным нельзя. К примеру, рассмотрим фразу *Думаю, что такой жулик и бизнес ведет нечестно*. Позволяет ли наличие слова-маркера *думаю* идентифицировать данное высказывание как выражение мнения? Разумеется, что нет, так как речь здесь фактически идет о двух событиях: 1) субъект является жуликом и 2) ведет бизнес нечестно. При этом маркер *думаю*, относится лишь ко второму положению, то есть первое следует определить как указание на факт или распространение сведений.

Второй из указанных подходов основывается на оценке восприятия коммуникативного посыла высказывания. Это представляется достаточно сложным в исследовательском аспекте, так как для определения конечной цели речевого акта требуется его оценка по целому ряду дополнительных параметров: стилистическая окраска (ирония, шутка, грубость и т.д.), невербальное сопровождение (мимика, жесты и др.), интонационное сопровождение, наличие коммуникативного стимула и др. Однако при таком рассмотрении высказывания велика вероятность субъективизации его лингвоправовой оценки экспертом, ибо восприятие текста глубоко индивидуально. Также следует понимать, что адресант может использовать различные коммуникативные тактики: манипулирование, агрессия, предупреждение, что определяет характер его речевого поведения.

Полагаем, что отмеченное позволяет заключить, что обе методики несовершенны и не полностью соответствуют принципам практики правовой деятельности, где главными являются объективность, точность и непредвзятость. В этой связи полагаем, что наиболее оптимальным следует признать прагматический параметр, который не так часто используется в практике подготовки лингвоправовых заключений. Суть данного подхода заключается в проведении прагмалингвистической оценки иллокутивной составляющей высказывания, то есть коммуникативной цели говорящего. Базовые виды иллокутивных актов были разработаны в рамках теории речевых актов и дополнены прагмалингвистическим направлением языкознания (констатив, репрезентатив, перформатив, декларатив и др.). Несомненным достоинством данного подхода является наличие апробированной методики идентификации вида иллокутивного акта.

Заключение. Подытоживая, следует отметить, что современной лингвистической экспертизой накоплен достаточно серьезный опыт проведения прикладных исследований. Однако, как показывает практика, многие теоретические вопросы в данной области юрислингвистического направления представляются не решенными до конца. В отечественном лингвоправовом поле это касается, прежде всего, вопросов отсутствия методик подготовки экспертных заключений. Передовым в этом отношении представляется параметрический подход, однако для его использования необходимы детальное описание, обоснование и апробация. Данная методика позволяет идентифицировать клевету по семи критериям. Одним из важнейших является критерий фактологичности, цель которого заключается в установлении наличия в высказывании факта сообщения сведений, а не выражения мнения. С этой целью в экспертной деятельности принято использовать вариативные подходы, однако они не отличаются универсальностью. Наиболее логичным представляется использование методики лингвопрагматической оценки иллюкутивной функции речевого высказывания.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА ГРАЖДАН НА УЧАСТИЕ В ПРОЦЕССЕ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ, КАСАЮЩИХСЯ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

*Н.А. Маркина
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Правовые аспекты экологических отношений изучались и изучаются рядом отечественных и зарубежных авторов, при этом следует отметить труды отдельных ученых юристов таких как, С.А. Балашенко, Е.В. Лаевской, Т.И. Макаровой, И.П. Манкевич, которые исследуют экологические права граждан, проблемы их обеспечения и реализации.

Среди экологических прав особое место занимает право на благоприятную окружающую среду, оно является конституционным и нашло свое закрепление в ст. 46 Основного закона страны [1], а также в Законе Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-ХІІ «Об охране окружающей среды» (с изм. и доп.) (далее – Закон «Об охране окружающей среды») [2]. Его обеспечение возможно только при применении отдельных эколого-правовых механизмов и реализации иных экологических прав граждан, в том числе права на участие граждан в процессе принятия экологически значимых решений.

Цель работы заключается в анализе норм национального и международного законодательства, регулирующего право граждан на участие в процессе принятия экологически значимых решений, и выявлении проблем реализации данного права в Республике Беларусь.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили следующие нормативные правовые акты: Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды (далее – Орхусская конвенция), Закон «Об охране окружающей среды», правоприменительная практика. При написании работы были использованы такие методы как анализа, формально-юридический.

Результаты и их обсуждение. Решение экологически значимых вопросов является наиболее эффективным, если в данном процессе принимают участие не только государственные органы, но и общественность, так как при воздействии на окружающую среду напрямую затрагиваются интересы граждан. Право граждан принимать участие в решении вопросов, касающихся охраны окружающей среды определено в национальном законодательстве через отдельные формы участия, в частности, ст. 12 Закона «Об охране окружающей среды» закреплены следующие права: принимать участие в общественных обсуждениях проектов экологически значимых решений, отчетов об оценке воздействия на окружающую среду, экологических докладов по стратегической экологической оценке, вносить предложения о проведении общественной экологической экспертизы и участвовать в ее проведении в установленном порядке, оказывать содействие государственным органам в решении вопросов охраны окружающей среды и т.д. [2].

Предпосылкой для отражения вышеуказанных норм в национальном законодательстве, стало утверждение Орхусской конвенции (Указ Президента Республики Беларусь от 14 декабря 1999г. № 726). Данной конвенцией определены основные принципы и процедура общественного участия.